

УДК 811.161.1:821.161.1

Н. Г. Бабенко

ПРОБЛЕМАТИКА «ПОКАЗАНИЙ» ПОЭТА
(«З/К, ИЛИ ВИВИСЕКЦИЯ. КНИГА ПРОТОКОЛОВ»
М. ЗОЛОТОНОСОВА И Н. КОНОНОВА)

Рассматривается проблематика уникальной по своей жанровой природе книги литературного критика Михаила Золотоносова и поэта Николая Кононова «З/К, или Вивисекция. Книга протоколов». Анализируются вопросы возможности/невозможности продуктивного диалога критика и поэта, познаваемости/непознаваемости поэзии, интерпретации и понимания поэтических текстов и др.

74

This article focuses on the problem field of the genre-unique book of the literary critic Mikhail Zolotonosov and the poet Nikolai Kononov Z/K or Vivisection. The book proceedings. The author analyses the issues of possibility/impossibility of a constructive dialogue between a critic and a poet, the cognoscibility/incognoscibility of poetry, the interpretation and understanding of poetic texts, etc.

Ключевые слова: стихотворение, поэтический текст, поэтика, автор, читатель, понимание, интерпретация.

Key words: poem, poetic texts, poetics, author, reader, understanding, interpretation.

Честно говоря, мне всегда казалось, что
усугубить собственные стихи мне нечем.

Николай Кононов

«З/К, или Вивисекция. Книга протоколов» служит протокольно точной фиксацией телефонных бесед литературного критика Михаила Золотоносова и поэта Николая Кононова о поэзии и поэтике на материале тринадцати кононовских стихотворений. Лицевая сторона обложки этого издания представляет собой креолизованный текст: вербальное сообщение об авторах и заглавии книги (в котором аббревиатура З/К и упоминание *протокола* порождают ассоциацию с ситуацией допроса/следствия) дано на фоне профильного изображения пухлощекого ребенка со вскрытым черепом, с обнаженным, доступным исследованию, мозгом. Таким образом, в сильной предтекстовой позиции заявлены смыслы сурового допроса-«живосечения» и «детскости», непосредственности, абсолютной искренности и незащитности — смыслы, формирующие горизонт читательского восприятия книги.

Рассматривая проблематику «показаний» поэта, важно отметить то, как Николай Кононов решает для себя вопрос о самой возможности полноценного, продуктивного и равноправного разговора критика и поэта о глубинных смыслах лирики и тайнах авторской поэтики. Кононов говорит о сокровенном, но при этом считает, что «в подобных

беседах... есть большой элемент нарциссизма, ибо когда мы разговариваем, не видя собеседника, то мы специфическим образом "вглядываемся" в его ответные речи, как в ручей, в который когда-то смотрел Нарцисс. То есть стоит объективно признать, что *нафос этих разговоров – это все-таки разговоры с самим собой*» [1, с. 25]. Иначе говоря, беседа с критиком по телефону преобразуется из диалога в солилоквиум. Именно этим объясняются содержательные расхождения между вопросами критика и ответами поэта, а также многочисленные «боковые побег» в речевой партии Кононова.

Для части гуманитариев и сегодня не утратил актуальности тезис классической герменевтики о тождественности интерпретации текста и познания породившего его сознания: понять текст – значит, понять замысел его автора. О стремлении филологов проникнуть в замысел поэта посредством исследования / интерпретации его творений Кононов говорит следующее: «...анализ, производимый вами [филологами], это анализ не меня или моего способа понимания, это самоанализ вашего "я" и его способов опознавания достоверности в этом мире» [1, с. 25].

Более того, по мнению поэта, «субстрат поэзии не объяснить» [1, с. 164]; «искусство нельзя объяснить в терминах словаря... Либо мы описываем прямыми смыслами логику произведения, где одно вовсе не следует из другого, либо мы слушаем очарование языка. Я думаю, что нет такой системы, которая дала бы нам сведения о том и другом одновременно. Либо похабное стиховедение, либо истерическая эссеистика» [1, с. 72].

Высказав столь уничижительную оценку исследовательской практике филологов, дерзающих объяснить «субстрат поэзии», сам Кононов отнюдь не чурается филологически оснащенных рассуждений о природе поэтического творчества вообще и поэтике отдельных произведений в частности. Об этом свидетельствует и обширность корпуса употребляемых им терминов, принадлежащих различным областям гуманитарного знания, а также далеких от него сфер: *фигура, метасюжет, дискурс, мимесис, когнитивный итог, референтная группа, синтагма, секулярный, тератоморфные, эпюр, калокагатия, катамнез, флуктуация, ортогональный* и т. д.

Лексика научного дискурса является, таким образом, значимой составляющей словаря речи поэта в анализируемой книге. Важной и постоянно контактирующей с образными словоупотреблениями. Например, Кононов описывает динамику состояния творческого подъема следующим образом: «Это можно было бы назвать фазой молчания, когда происходит внутреннее осмысление, дословесное, то есть медитация. И в какой-то момент масса молчания достигает такого критического веса, что происходит взрыв и выброс... То есть необходимо достигнуть какого-то порога, после которого существовать монологически невозможно... И вот с конфликта с другим и начинаются стихи» [1, с. 61 – 62]. И еще: «А откуда берутся подобные речи, которые бывают стихами, к счастью, не знает никто. Они просто есть. Когда они написаны – они данность. Мне бы хотелось, чтоб Бог тоже так хотел» [1, с. 39].

Может показаться, что предполагаемая и желаемая поэтом «богоданность» поэтического слова полностью дезавуирует вопрос, откуда и как берутся стихи, но нет: по мнению Кононова, от проблемы понимания невозможно уйти ни поэту, ни читателю, поскольку она «спаяна» с двумя творческими процессами: созданием стихотворения автором и восприятием этого произведения читателем. Автор стремится осознать/истолковать для себя собственное состояние «предтворения»: «Меня интересует, как я понимаю свое понимание недоумения перед тем, что я хочу описать, но это недоумение — единственный побудительный мотив стремления к пониманию» [1, с. 8–9]. Восприятие поэтом себя в мире и мира в себе связано с рождением стихов как предшествующее с последующим: «С момента, когда не хватает слов для понимания внутреннего процесса, надо начинать писать стихи, потому что это уже другая плоскость, не плоскость разговора, — тут и начинается транс. Это трезвый транс» [1, с. 9]. Состояние «трезвого транса» несовместимо с ментальным усилением понимания, интеллектуальной рефлексией над творимым.

Понимание поэзии читателем, по мнению Кононова, не чуждо эмоциональных переживаний и сопряжено с гедонистическими ощущениями: «Само понимание и есть наслаждение в своем становлении» [1, с. 20]. В следующем высказывании Кононов выстраивает последовательность этапов осмысления поэтического произведения от эмоционального отклика на красоту стихотворения к когнитивному постижению его смысла: «Я хочу лишь сказать о том, что внимание к стихотворению не может начаться с вашего когнитивного понимания, а начинается с момента очарования. То есть с красоты, тепла» [1, с. 31]. Читатель, прибегая к доступной ему технике понимания, постигает «тонкость, и слабость, и голизну, которые вместе и есть сила» стихов [1, с. 12]. При этом Кононов имеет в виду «своего» читателя, о котором высказывается так: «Читатель стихов — существо, которое нельзя представить. Он себя не обозначает. Потому что это человек обычно тонкий, и он понимает, что таковое обозначение в вербальной форме будет пошлым. То есть это человек с обостренным чувством пошлости. Он его не допускает» [1, с. 155].

Сам поэт более склоняется к перцептивной характеристике феномена понимания, нежели к его философскому осмыслению: «...я не уверен в том, что вообще знаю, что такое понимание. Я знаю его вкус и сладость, но что оно такое — я до конца никогда не понимал» [1, с. 89].

Кононов ставит под сомнение возможность конгениальности поэта и читателя и, будучи создателем многих референциально непрозрачных, в большой степени герметичных текстов, отстаивает право поэзии на затрудненность или даже невозможность перехода от знака к его смыслу: «Все “поэзии”, рассчитанные на мгновенный прием на другом конце, через этот открытый конец вылились, как урина в подворотню. Кроме кислого запаха, ничего не осталось. А почему, собственно, кто-то должен что-то понимать?» [1, с. 67]

Размышляя об участниках литературной коммуникации, поэт говорит об активности не только ее адресанта и адресата, но и объекта

творчества — поэтического текста: «Меня, честно говоря, больше волнует работа текста самого по себе, без меня» [1, с. 185].

Не единожды обращаясь к термину-образу *лента Мёбиуса*, автор высказывается о творчестве и о жизни вообще: «Жизнь есть лента Мёбиуса, она все время переворачивается, все время создает складки, она не линейна: что было прекрасным и мерно текущим, легко может стать ужасным и экстатическим» [1, с. 114]. Ужасное и экстатическое выражается в стихах поэта в том числе и субстандартными лексическими средствами, обценной лексикой, поскольку, по мнению Кононова, «они [стихи] как жизнь, которая низкой не бывает» [1, с. 88]; «[стихи] это особое пространство, где нет стыда» [1, с. 141]. В употреблении лексики телесного низа, мата, а также сексуальной терминологии (фрикции, коитус, гомосексуализм, воллост и др.) Михаил Золотоносков пытается отыскать сугубо сексуальную подоплеку, не учитывая того, что *телесное* в поэзии Кононова выступает и в качестве постмодернистской философской категории, как и понятия *смерть*, *безумие*, *соблазн*, *желание* и др. Именно коловращение «философизмов», «эротизмов», бытовизмов создает в поэзии Кононова ленту Мёбиуса «из слов, которые могут вдруг все перевернуть. И мир делается миром. И сияет» [1, с. 8–9].

Выступая на I Кононовских чтениях, Николай Кононов назвал опыт создания книги «З/К, или Вивисекция. Книга протоколов» травматичным. Очевидно, справедливая, с точки зрения автора, оценка меняет знак *минус* на *плюс*, когда речь идет о читателях этой книги, ставших свидетелями исповедального «живосечения» кононовских стихотворений самим автором.

Список литературы

1. Золотоносков М., Кононов Н. З/К, или Вивисекция. Книга протоколов. СПб., 2002.

Об авторе

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: banagr@rambler.ru

About the author

Prof. Natalia Babenko, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: banagr@rambler.ru